

Геннадий ДОБРОВ

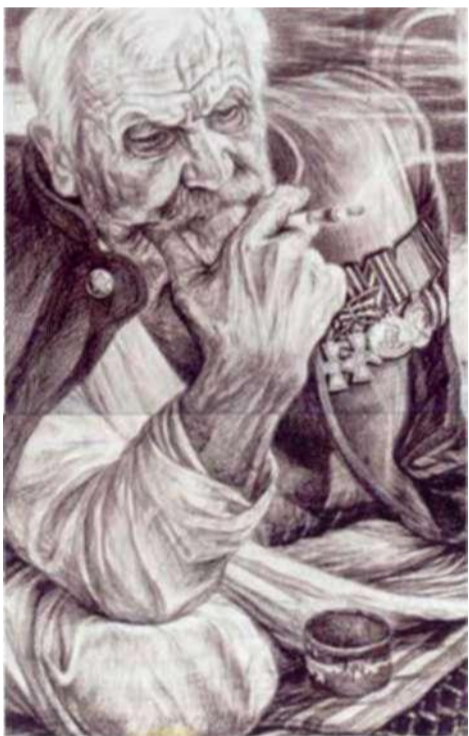
Подвижничество

Заслуженному художнику РФ, заслуженному деятелю искусств РФ Геннадию Михайловичу Доброву исполняется 70 лет. Он — автор нашумевших в свое время картин «Прощальный взгляд», «Бред преследования» и большого графического антивоенного цикла «Листы скорби». Он глубоко верит в высокие нравственные задачи искусства, в очистительную силу соперничания. 14 июня 2007 года на сессии, посвященной 250-летию Российской академии художеств, он был избран ее почетным членом.

— Геннадий Михайлович, когда пришёл к Вам первый успех?

— К серьезной творческой работе я приступил лишь в 1974 году, когда начал рисовать инвалидов войны на о. Валаам. До этого пришлось поработать и санитаром в больницах, и постовым милиционером на Белорусской площади. Я, ведь, сибиряк, из Омска, и после окончания Суриковского института надо было самостоятельно устраиваться в Москве. На это ушли годы. На Валааме я ещё сам не подозревал, что портреты инвалидов войны явятся лишь прелюдией моего большого антивоенного графического цикла, на котором я буду работать более 30 лет... Инвалидов войны я разыскивал по домам-интернатам нашего Союза. Ездил 6 лет. Нарисовал около 40 портретов. Меня мучило чувство несправедливости: почему это славное поколение, отстоявшее Родину, так незаметно и одиноко заканчивают свою земную жизнь. Они никого ни в чём не обвиняли, они оставались героями до конца. Я рад, что увековечил некоторых из них на своих портретах. Позже эта серия получила название «Автографы войны».

«Старый воин»
портретах.

— Да. Она была широко известна в конце 80-х, в 90-х годах благодаря многочисленным публикациям и ТВ-передачам. Такой мощный реализм, будто Достоевский в карандаше... Её, ведь, даже выдвигали на Госпремию?

— Выдвигали. Но до этого 7 лет портреты простояли у меня на стеллаже. Их принимали, работы были в каталоге, но их не вешали на выставках. Я очень переживал и решил перейти в секцию живописи. Стал писать портреты. Долго мечтал о картине, удивлялся тем, кто легко их пишет... И, наконец, решился. «Прощальный взгляд» появился в 1982 году. И опять конфликт, запрет. Как это: герой картины - отрицательный образ? Спившийся скрипач? Хотя это абсолютно жизненный сюжет. Но время постепенно менялось. В 1984 году картину всё-таки выставили, и потом она висела несколько раз и в ЦДХ, и в Манеже... С тех пор я работаю над картинами постоянно. И пишу, и думаю, и всё время переделываю, это какой-то нескончаемый увлекательный процесс...

— А графика?

— Окрылённый успехом картин, я снова вернулся к любимой графике, к рисункам на антивоенные темы. Следующую серию я делал в бывших фашистских концлагерях Чехии, Польши и Германии. Там я без конца содрогался — целая индустрия смерти была изобретена, создана и работала несколько лет... Словами всё это выразить невозможно... Я назвал рисунки «Реквием».

— Как вы попали в Афганистан?

— Всё дело случая. Мне туда впервые предложили поехать после выставки «Автографы войны» в пресс-центре МИДа. Наши войска уже были выведены. Первый раз я летал в Кабул в 1989 году, потом в 1990 и в 1991. Там я своими глазами видел и взрывы, и убитых, и раненых, и беженцев, и в госпиталях рисовал... Простые афганцы - это такой чистый религиозный народ. Я и сейчас о них без восхищения думать не могу. Сколько же лет они страдают, несколько поколений не знают мирной жизни... Я эту серию назвал «Молитва о мире». Последний раз я там был в 2001 году, уже американцы пришли...

— Значит всё войны, войны. Это же такая нагрузка на психику.

— У меня после Афганистана зрение на-

«Ангел-хранитель в концлагере Терезин»

«Письмо родителям на Чукотку от давно брошенной ими дочери»

чало портиться, сильно обострился диабет. Всё труднее становится работать.

— Начали лечиться?

— Не сразу. Я задумал завершить всё виденное мной, все военные конфликты, их последствия, катастрофы — серией о душевнобольных. И последние годы работал над ней. Люди устают сопротивляться своим бедам, потерям близких, стрессам, они не выдерживают безвыходности положения. Три года назад я ездил в Чечню, рисовал разрушенный Грозный, который когда-то в молодости очень любил. Чеченцы ко мне прекрасно относились, но в их глазах было столько грусти...

Среди более 250 публикаций о работах художника самыми выразительными, пожалуй, являются два высказывания:

«Мне принесли репродукции работ Геннадия Доброва... Я буквально заболел, я всю ночь не спал. Я бы разослал эти репродукции по свету...». — признаётся писатель Чингиз Айтматов в «Известиях» 19 июня 1987 г.

«Ищут нетронутые уголки Земли жалостливые живописцы... Не ведая сострадания, оберегая собственные чувства, они обходят стороной трагедии и страдания людей. Исключений немного, скажем, творческий подвиг художника Геннадия Доброва» (академик Д.С.Лихачёв, «Советская культура», 4 февраля 1989 г.)